

BUDAPEST 20-21 November 2001

Кто такой "сексуальный эксплуататор"¹?

"Сексуального эксплуататора" как такового не существует. Скорее, существуют люди (взрослые и дети, мужчины и женщины), эксплуатирующие детей в сексуальном плане множеством различных способов, по многим различным причинам и во многих различных социальных контекстах. Для достижения реального прогресса в ликвидации сексуальной эксплуатации детей в коммерческих целях (СЭДКЦ), как и в некоммерческих, необходимо признать наличие многообразия данного явления, понять его и разрабатывать соответствующие программы на основе этого понимания.

Хотя после первого Всемирного конгресса против сексуальной эксплуатации детей в коммерческих целях, состоявшегося в 1996 году, многие работающие в этой сфере смогли лучше понять и признать сложность СЭДКЦ, данная проблема большей частью продолжает оставаться за пределами общественной и политической дискуссии относительно тех, кто подвергает детей сексуальной эксплуатации в коммерческих целях.

До сих пор существует убежденность в том, что спрос в сфере СЭДКЦ определяется "педофилами" и преступниками, которые поставляют им детей для сексуальных надругательств. На самом деле проблема имеет гораздо более широкий масштаб.

Педофилы: специфическая категория

"Педофилия" – это медицинская диагностическая категория очень конкретного и ограниченного значения. Согласно определению Американской психиатрической ассоциации, в эту категорию входят лица старше 16 лет, которые "переживают повторяющиеся, интенсивные, сексуально возбуждающие фантазии в течение по крайней мере шести месяцев, испытывают сексуальные позывы или совершают действия, связанные с половыми актами с одним или несколькими детьми (обычно моложе 13 лет)". Кроме того, эти "фантазии, сексуальные позывы или действия значительно препятствуют способности индивидуума функционировать в социальной, профессиональной или других важных сферах".

Некоторые из тех, кто подпадает под это определение, представляют собой крайне серьезную опасность для детей и могут нести индивидуальную ответственность за сексуальные надругательства в отношении большого числа детей. Но клинический диагноз "педофилия" может быть поставлен в отношении совершившего какой-либо акт сексуального надругательства над детьми, поэтому нельзя сказать, что все педофилы являются сексуальными эксплуататорами.

Было бы еще большей ошибкой утверждать, что все сексуальные эксплуататоры являются педофилами, даже если трактовать этот термин шире (как обычно делается) и относить его к взрослым, испытывающим сексуальный интерес к детям.

Еще один вопрос. Лица, попадающие под медицинское определение педофилии, могут проявлять сексуальный интерес либо к мальчикам, либо к девочкам или к тем и другим. Согласно стереотипному восприятию, педофилы – это мужчины, которых интересуют только мальчики, и отдельные гомофобные лица и группы утверждают, что между гомосексуальностью и сексуальным надругательством над детьми существует определенная связь. В действительности из статистических данных о сексуальной эксплуатации детей следует только вывод о наличии связи между полом и сексуальным надругательством в том смысле, что (а) выше вероятность сексуальной эксплуатации девочек, нежели мальчиков, и (б) вероятность совершения актов сексуальной эксплуатации для личного удовлетворения гораздо выше среди мужчин, чем среди женщин.

Разумеется, некоторые мужчины, считающие себя гомосексуалистами, сексуально эксплуатируют мальчиков моложе 18 лет, так же как и некоторые мужчины, считающие себя гетеросексуалами, эксплуатируют девочек в возрасте до 18 лет, но отсюда не следует, что все мужчины-гомосексуалисты являются потенциальными сексуальными эксплуататорами, как не следует и то, что все гетеросексуальные мужчины представляют опасность для девочек.

Эксплуататоры: более широкая группа

Детей также сексуально эксплуатирует по ряду различных причин широкий круг людей, не являющихся педофилами. Например, сексуальные эксплуататоры², извлекающие в качестве третьих лиц выгоду из СЭДКЦ, редко руководствуются соображениями личного сексуального удовлетворения или навязчивыми фантазиями. Они подвергают детей сексуальной эксплуатации для получения прибыли, а не потому, что акты эксплуатации доставляют им психологическое облегчение или сексуальное удовлетворение.

Существуют и лица, сексуально эксплуатирующие детей, если и когда они оказываются в ситуации, где в сексуальных целях ребенок более доступен или контакты с ним дешевле, чем со взрослым, но получение сексуального удовлетворения в таких случаях не определяется физической или эмоциональной незрелостью эксплуатируемого.

Некоторые взрослые мужчины выбирают детей в качестве сексуальных партнеров в первую очередь на основании ошибочных представлений о сексуальном здоровье или некритичного восприятия мифов о том, что контакт с девственницей может восстанавливать потенцию, приносить удачу новым деловым начинаниям и т. д.

Никто из таких людей не руководствуется сексуальными фантазиями о детях, как таковыми.

Кроме того, если, согласно определению, детьми считаются лица моложе 18 лет, то необходимо признать, что на сексуальные контакты между взрослыми и детьми редко налагается полный запрет. В большинстве стран закон разрешает взрослому вступать в брак, сожительствовать или встречаться с лицом моложе 18 лет. Вместе с тем в большинстве обществ тела молодых людей наделяются значительной эстетической и эротической ценностью. Взрослые, отыскивающие себе более молодых и привлекательных сексуальных партнеров, в том числе моложе 18 лет, не обязательно нарушают установленные в обществе параметры приемлемых сексуальных желаний, и поэтому их нельзя автоматически классифицировать как сексуально "девиантные" или психологически "анормальные".

Коротко говоря, взаимозаменяемое использование терминов "педофил" и "сексуальный эксплуататор" чрезмерно упрощает феномен сексуальной эксплуатации детей. И хотя чрезвычайно важно незамедлительно заняться проблемой того, что существуют люди, настойчиво и сознательно выбирающие для надругательств детей, и того, какой вред они этим причиняют, вопросы о том, почему и кем сексуально эксплуатируются дети, этим не исчерпываются. Необходимо также задаться вопросом, почему люди, *не* являющиеся педофилами, сексуально эксплуатируют детей.

Словарь английского языка "Лонгмен" определяет слово "эксплуатировать" как "использовать... в особенности для получения прибыли или преимущества; недобросовестно злоупотреблять в целях получения финансовой или иной выгоды", и идея недобросовестного злоупотребления позволяет предположить, что существует определенный дисбаланс социальной, политической, экономической и/или физической, психологической либо эмоциональной власти между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Этим "эксплуатация" отличается от собственно преступности.

Применительно к сексуальной эксплуатации детей это позволяет предположить, что "сексуальных эксплуататоров" можно определить как:

"лиц, которые недобросовестно злоупотребляют определенным дисбалансом власти между собой и лицами моложе 18 лет с целью сексуальной эксплуатации последних для получения прибыли или личного удовлетворения"³.

Почему они это делают?

Предложенное определение уже содержит ответ на этот вопрос в четырех формулировках: "недобросовестно злоупотребляют", "дисбаланс власти", "для получения прибыли" и "для личного удовлетворения".

Как власть господствующих в обществе групп обычно маскируется или обосновывается рассуждениями, представляющими ее в более гуманном свете или отрицающими ее, так и отдельные люди, как правило, не желают признавать свою склонность к жестокому обращению, подавлению других лиц, безжалостности или злобе. Преобладающее большинство людей используют силу или принуждение против себе подобных только в том случае, если они могут убедить себя в том, что их действия естественны, справедливы и оправданны или когда им удастся уговорить себя, что они не применяют такую силу. Результаты исследований постоянно свидетельствуют о том, что очень немногие из тех, кто подвергает детей сексуальной эксплуатации, считают себя жестокими или эксплуатирующими кого-либо. Напротив, они пытаются отрицать или оправдать использование детей в сексуальных целях либо представить это в более гуманном свете.

Понять данную проблему можно, в частности, с помощью концепции, которую психологи называют "когнитивный диссонанс". Согласно этой теории, люди испытывают беспокойство, когда между их позициями, воззрениями и поведением, по-видимому, существует противоречие. Например, представьте человека, который считает себя хорошей и нравственной личностью, а также полагает, что те, кто подвергает детей сексуальным надругательствам, плохие и аморальные люди. Если он вступает в сексуальный контакт с ребенком, то начинает испытывать беспокойство из-за несовместимости таких положений, как "я хороший человек", "сексуальные контакты между взрослым и ребенком – всегда плохо" и "я вступаю в сексуальные контакты с детьми".

Для того чтобы снять эту несовместимость и таким образом снизить уровень беспокойства, человек должен откорректировать по крайней мере одно из приведенных выше положений. Он может пересмотреть восприятие себя как хорошего человека, либо изменить свою оценку сексуальных контактов между взрослыми и детьми, либо откорректировать свое суждение о том, вступает ли он в сексуальные контакты с детьми. Исследования осужденных за сексуальные преступления против детей в Соединенном Королевстве и США показывают, что наиболее высока вероятность того, что такие люди изменят свое отношение к сексуальным контактам между взрослыми и детьми и/или к участвующим в них детям. Например, они могут считать, что сами дети тем или иным образом несут ответственность за то, что подверглись надругательству, или вообразить, что сексуальный контакт со взрослым не причиняет ребенку вреда. Они могут утверждать, что дети сами способны согласиться на сексуальные контакты со взрослыми и получать от

этого какие-то блага. Таким образом, вероятно, минимизируются смысл и последствия надругательства (когда человек убеждает себя, что "ласки" или оральный секс "не считаются" сексуальными контактами и не причиняют ребенку вреда). Такого рода "рационализация" часто встречается в рассуждениях тех, кто подвергает детей сексуальным надругательствам, – как педофилов, так и непедофилов.

Степень искажения и отрицания при этом бывает просто поразительной. Некоторые правонарушители даже утверждают, что их сексуальные контакты с малолетним ребенком не были порочными, потому что младенец сам спровоцировал надругательство либо согласился на него, потому что, например, улыбался или гукал, когда преступник менял ему пеленки (подгузник).

Понятно, что ни в одном современном обществе система взглядов не может поддерживать столь глубокий самообман. Поэтому тем, кто подвергает малолетних детей сексуальным надругательствам, приходится в корне извращать принятые в обществе представления о согласии и о власти, которую один человек может законно применить к другому, а также о приемлемых объектах сексуального интереса со стороны взрослых и об отношениях между взрослыми и детьми. У таких людей зачастую чрезвычайно неустойчивая самооценка, они испытывают громадный психологический стресс, пытаясь сохранить представление о своих действиях как оправданных или безвредных.

Однако те, кто совершает надругательства над малолетними детьми, составляют меньшинство среди сексуальных эксплуататоров, и существуют другие формы сексуальной эксплуатации детей, которые гораздо легче укладываются в рамки социально предписанных или допустимых представлений о сексуальности, возрасте, согласии и законном применении власти, например секс с несовершеннолетними проститутками.

Вышесказанное подразумевает, что для защиты детей от СЭДКЦ важно понять идеи, которыми руководствуются в своих действиях сексуальные эксплуататоры, и найти способы поставить под сомнение или подорвать воззрения, которые позволяют им отрицать, оправдывать, представлять в более гуманном свете или как естественные совершаемые ими акты эксплуатации. В этом отношении аргументы, с помощью которых взрослые убеждают себя в обоснованности и оправданности использования детей в качестве сексуальных объектов, частично базируются на социальных отношениях, в рамках которых происходит эксплуатация.

Всегда ли налицо коммерческая сделка?

Результаты исследований постоянно показывают, что если дети подвергаются сексуальным надругательствам в некоммерческих целях, то гораздо выше вероятность того, что эти действия совершаются не посторонними, а знакомыми им взрослыми, в особенности теми, кто имеет над ними наибольшую власть: родителями, опекунами, родственниками и взрослыми, заменяющими родителей в различных заведениях, в том числе в детских садах, школах, колледжах, интернатах для детей-инвалидов или здоровых детей, церквях, спортивных клубах и во время поездок за рубеж по обмену.

Какую бы форму ни принимали надругательства, между сексуальными надругательствами над детьми и представлениями о детстве и его восприятием в обществе можно проследить важные взаимосвязи. В большинстве обществ родителям и выступающим в их качестве взрослым разрешается применять к детям силу такого вида и таких масштабов, которые невозможно было бы представить в отношении любой другой социальной группы. Более того, предполагается, что они должны это делать.

Такая власть предоставляется им не просто и не исключительно на том основании, что из-за своей незрелости дети не способны действовать самостоятельно; это также является отражением широко распространенного мнения, что дети – "полуфабрикат взрослых", они некомпетентны, не сформировались и не способны реализовать себя как личности. В результате часто для взрослого считается допустимым игнорировать высказываемые детьми желания, пытаться "формировать" их характеры, интересы и мнения и наказывать

их за то, что они не в состоянии выполнить требования взрослых и не соответствуют их ожиданиям.

О взаимосвязи между социальными ценностями и воззрениями и сексуальным надругательством над детьми также свидетельствуют и результаты исследований, показывающие, что дети из групп общества, отмеченных социальным клеймом (например, бездомных, домашней прислуги, инвалидов, представителей некоторых этнических групп), сталкиваются с особенно высоким риском сексуального надругательства. Возможно, такие дети являются объектом надругательства из-за того, что доступ к ним легче, или потому, что правонарушитель считает риск обнаружения низким; но вполне вероятно и то, что малая "ценность", которой наделяет их общество, позволяет правонарушителю пренебречь человеческой сущностью жертвы, таким образом уменьшая степень своей вины или беспокойства.

Тормозной потенциал принятых в обществе кодексов поведения или запретов в отношении сексуальных контактов между взрослыми и детьми, по-видимому, также связан с ощущением взрослым своей связи с обществом в более широком смысле. В случае ее нарушения, например в ходе вооруженного конфликта или стихийного бедствия, люди часто считают возможным рационализировать и оправдать поведение, которое в обычных обстоятельствах рассматривалось бы ими как недопустимое.

И наконец, важно отметить, что, согласно устным свидетельствам, те, кто совершает сексуальные надругательства над детьми без коммерческой цели, часто пытаются подкупить свои жертвы, чтобы добиться от них повиновения и/или молчания. Это еще один способ, с помощью которого взрослые могут внушить себе, что ребенок сам хотел подвергнуться сексуальному надругательству или заслужил его. Когда совершающие сексуальные надругательства дают своим жертвам деньги, они могут убедить себя, что акт надругательства был взаимовыгодным, а сама жертва морально в известной степени является соучастником, поскольку взял(а) деньги.

Какова связь между СЭДКЦ и проституцией?

Разумеется, сексуальная эксплуатация детей происходит и с коммерческими целями. Торговля сексуальными услугами является предосудительной деятельностью, которая обычно осуществляется в теневой и/или незаконной экономике. Именно поэтому чрезвычайно трудно получить точные данные по какому-либо аспекту глобальной торговли сексуальными услугами. Тем не менее можно с достаточной уверенностью сделать несколько предположений относительно спроса на проституцию. Прежде всего исследования свидетельствуют о том, что она пользуется спросом главным образом (но не исключительно) у мужчин. Обследования также показывают существенные различия между странами в отношении числа мужчин, признавших в том, что они пользовались услугами проституток: например, около 9 процентов в Соединенном Королевстве, 14 процентов в Гонконге, 16 процентов в США, 38 процентов в Испании, 60–70 процентов в Камбодже, 75 процентов в Таиланде.

Кроме того, исследования показывают, что в любой конкретной стране особенно склонны к тому, чтобы пользоваться услугами проституток, некоторые подгруппы мужского населения, например мужчины, вынужденные длительное время работать вдали от своих семей, члены коллективов или представители профессий, в которых преобладают мужчины или трудовая культура которых определяется духом *мачизма*. Сюда входят такие группы, как военнослужащие, моряки, водители грузовиков дальнего следования, рабочие-мигранты мужского пола, представители гуманитарных организаций, миротворцы, рабочие на лесозаготовках или горных работах. Исследования также показывают: вероятность того, что люди вступят в различные формы купли-продажи сексуальных услуг, значительно выше, когда они находятся на отдыхе или вдали от дома, поэтому командированные и туристы также являются примерами групп, пользующихся услугами проституток.

Еще труднее найти надежные данные о числе и социальной и иной принадлежности клиентов занимающихся проституцией детей. Однако эмпирические сведения о проституции в мире показывают, что хотя в большинстве стран в рамках проституции существует небольшая и в основном замаскированная рыночная ниша для удовлетворения спроса главным образом тех, кто проявляет специфический интерес к сексуальным контактам с детьми или девственницами, подавляющее большинство занимающихся проституцией детей интегрированы в основной рынок проституции и удовлетворяют спрос всех, кто прибегает к услугам проституток. Например, во всем мире, как сообщается, в поселках горняков, в кварталах домов терпимости, в районах, посещаемых туристами, в портах и на стоянках грузовиков, на улицах и в многочисленных других местах девочки в возрасте от 12 до 18 лет занимаются проституцией наряду с теми, кому уже исполнилось 18 лет. Аналогичным образом, в основном русле мужской проституции присутствуют и мальчики до 18 лет.

Все это влечет существенные последствия для понимания сексуальных эксплуататоров. Это означает, что лица, извлекающие выгоду из детской проституции в качестве третьих лиц, обычно не имеют конкретного или направленного интереса к СЭДКЦ, скорее у них существует экономическая заинтересованность в проституции в целом. Это также означает, что клиентами занимающихся проституцией детей часто являются просто члены групп пользователей услугами проституток, а не люди с направленным сексуальным интересом к детям. Иными словами, многие люди сексуально эксплуатируют детей, потому что пользуются услугами проституток, а не используют проституцию для получения доступа к детям.

Рационализация пользования услугами проституток – как взрослых, так и детей

Примечательно, что отношения к полу, сексуальности и проституции аналогичны во всем мире. Большинство обществ приучают своих членов к мысли о наличии естественных и глубоких различий в мужской и женской сексуальности. Практически повсюду считается, что мужчины по своей природе сексуально активны и испытывают сильные сексуальные позывы или стремления, в то время как женщины воспринимаются как сексуально пассивные по своей природе и способные быть лишь объектом действия. Традиционно большое значение придается женской сексуальной чистоте и воздержанию. Эти традиционные воззрения на различия между полами и лежат в основе двойных стандартов в отношении проституции, существующих в большинстве обществ.

Идея, согласно которой мужчины испытывают сексуальные "потребности" (в отличие от социально моделируемых "желаний"), может быть широко признана, но на практике не существует никакого биологического императива, заставляющего человека испытывать оргазм определенное число раз в день, в неделю или в год. Иногда может быть неприятно какое-то время обходиться без сексуальной разрядки, но отсутствие другого человека, с помощью которого достигается оргазм, не является реальной угрозой для жизни.

Идея существования мужских сексуальных "потребностей" в сочетании с широко распространенными представлениями о согласии, достигнутом в результате договоренности, и восприятием в обществе женщин-проституток как "грязных" и "нечистых" позволяют клиентам легко рационализировать и оправдать собственное использование услуг проституток – как взрослых, так и детей. Там, где проституция организована как контрактная договоренность, наподобие обычного обмена товарами, покупатель может сказать себе, что власть, которую он получает над ребенком, вполне легитимна. Он просто ведет себя как любой самостоятельный потребитель на свободном рынке, и если он не приобретет за плату "услуги" ребенка, то это сделает следующий покупатель.

В этом смысле использование многими мужчинами услуг занимающихся проституцией детей является скорее актом морального безразличия, чем преднамеренным нанесением вреда, и подобного рода моральное безразличие фактически находит широкую поддержку в обществах свободного рынка. Считается, что в целом покупатели должны действовать

исключительно исходя из своих интересов и не обязаны чувствовать какую-либо связь с производителями приобретаемого товара или моральную ответственность по отношению к ним.

Наконец, в обществах с иерархическим делением по этническим, расовым или кастовым признакам и/или характеризующихся сильной ксенофобией взрослые представители доминирующих групп могут подвергаться сексуальной эксплуатации детей из подчиненных им групп и по-прежнему считать себя нравственными и достойными членами общества. Поэтому, например, белые секс-туристы из стран Запада утверждают, что эксплуатируемые ими в Азии, Африке, Карибском бассейне и Латинской Америке женщины и дети по своей природе в большей мере готовы к сексуальным контактам, чем белые женщины и дети, в то время как мужчины из социально привилегированных групп в некоторых районах Индии заявляют, что женщины и дети из "более низких каст неразборчивы в сексуальных связях" и сами их завлекают. Надругательству эксплуататоров над занимающимися проституцией детьми, не принадлежащими к тому же социальному слою, что они сами, содействует представление о том, что такие дети не нуждаются в заботе и защите, предоставляемых детям "их собственного круга", и недостойны их.

Коротко говоря, клиентам не приходится сколько-нибудь существенно исказить в своем восприятии преобладающие воззрения на сексуальную жизнь, для того чтобы спокойно относиться к использованию детей для коммерческого секса.

Всякая ли эксплуатация осуществляется в форме проституирования детей?

В современном мире огромное число детей проживают в нищете и в особо тяжелых обстоятельствах. Роль "благодетеля" для малолетних детей – бедных, бездомных, брошенных или лишенных любви – представляется очевидно привлекательной для педофилов, жаждущих относительно длительных, стабильных и "нежных" сексуальных отношений с детьми. Гораздо легче моделировать и поддерживать фикцию согласия и взаимности с такими детьми, которые могут по-настоящему ценить несексуальные аспекты своих отношений с теми, кто совершает над ними надругательство, а также нуждаются в материальных благах, связанных с такими отношениями. Кроме того, экономическая зависимость ребенка от взрослого снижает вероятность того, что ребенок расскажет кому-либо о надругательстве.

Помимо этого, отсутствие доступа к эффективному просвещению в вопросах сексуального здоровья и медицинскому обслуживанию может подтолкнуть взрослых, не попадающих под медицинское определение "педофил", к поиску сексуальных партнеров среди детей. Имеются сведения о том, что взрослые мужчины в некоторых районах Африки, наиболее сильно пораженных эпидемией СПИДа, оказывают долгосрочную экономическую поддержку бедным семьям в обмен на регулярные сексуальные контакты с одним из детей, исходя из (ошибочного) представления о том, что контакты с детьми не связаны с угрозой заболевания, передаваемого половым путем.

Если взрослые пользуются уязвимым или маргинализированным положением ребенка для его сексуальной эксплуатации, они явно нарушают принятые в обществе кодексы поведения и нормы, касающиеся отношений между взрослыми и детьми.

Данное утверждение не всегда применимо к так называемым "папочкам", то есть мужчинам более зрелого возраста, которые обеспечивают своих молодых сексуальных партнеров, в том числе подростков, длительной финансовой поддержкой либо подарками, жильем или доступом к развлечениям и стилю жизни, которые иначе были бы им недоступны. Отношения между подростками и "папочками" в последнее время начали вызывать беспокойство на Ямайке, в Южной Африке и Кении, но такое же явление существует и во многих других районах мира, в том числе в богатых западных странах.

"Папочка" не обязательно должен принуждать подростков к сексуальным отношениям, и если ребенок старше установленного законом возраста согласия на сексуальные контакты, то национальные законы обычно не препятствуют взрослым недобросовестно

использовать свою экономическую власть для того, чтобы встречаться или сожительствовать с детьми. На самом деле отношения между "папочкой" и девочкой-подростком не только не нарушают преобладающие в обществе нормы в отношении сексуальной жизни, но зачастую служат отражением (возможно, в преувеличенных масштабах) неравенства, являющегося вполне обычным в гетеросексуальных отношениях. К тому же мотивацию такого "папочки" не всегда можно считать отклонением. Молодое женское тело признается сексуально желанным во многих культурах, и считается, что мужчина демонстрирует свою мужественность, если он способен обеспечить себе сексуальный доступ к "желанным" женским телам.

Почему некоторые сексуальные эксплуататоры формируют сети или сообщества?

Люди, которые считают себя педофилами, иногда образуют связи с себе подобными, формируя сети или сообщества, через которые они обмениваются информацией, советами и детской порнографией. Такие сети могут участвовать в СЭДКЦ в различных формах. Одним из примеров является уголовное дело, возбужденное во Франции в 1997 году в отношении семерых мужчин, собиравших и распространявших детскую порнографию, занимавшихся сексуальным надругательством над детьми в Румынии, а также ввезших во Францию двух румынских детей с целью сексуального надругательства над ними и продажи другим лицам для тех же целей.

Те, кто попадает под клиническое определение педофилии, часто являются компульсивными коллекционерами изображений детей и/или сексуального надругательства над детьми, в том числе фотографий, аудио- и видеозаписей того, как они сами и/или другие лица подвергают детей сексуальным надругательствам. Благодаря цифровым технологиям и интернету существенно расширились возможности таких людей в том, что касается записи, хранения, поиска и совместного использования масштабных коллекций детской порнографии. По имеющимся сведениям, обмен детской порнографией наделяет "онлайн-правонарушителей" ощущением принадлежности к группе и чувством самоуважения. Обычно те, кто коллекционирует и обменивается записями сцен сексуального надругательства над детьми, делают это не по коммерческим соображениям. Однако, по сообщениям работников таможенной и акцизной службы Соединенного Королевства, в последние годы они перехватывают во все больших количествах произведенную на коммерческой основе детскую порнографию, значительная часть которой производится в Восточной Европе или Центральной Америке.

Возможно, что сети педофилов и организации, официально созданные для лоббирования изменения законодательства и отношения к педофилии, частично совпадают. Подобные организации утверждают, что педофилы являются членами угнетаемого сексуального меньшинства и что "ненасильственная" педофилия должна получить признание как законное сексуальное предпочтение. Таким образом, в основе их притязаний на легитимность лежит идея о том, что сексуальные контакты между взрослыми и детьми могут осуществляться по согласию, и с этой целью подобные организации публично излагают искаженные представления, к которым обычно прибегают осужденные за сексуальное надругательство над детьми для оправдания и защиты совершенных ими актов сексуального надругательства. Члены подобных организаций утверждают, что они используют свое право на свободу мысли и выражения путем лоббирования изменений в законодательстве, а не призывают людей нарушать закон. Реакция на их заявления различна в разных странах.

Все ли сексуальные эксплуататоры являются взрослыми?

Вопросы о детстве, сексуальности и коммерческом сексе могут вызывать серьезные споры, и те, кто выступает против СЭДКЦ, часто пытаются обойти имеющиеся разногласия, сосредоточиваясь на аспектах надругательства и эксплуатации, по которым существует наибольшая степень согласия. На практике это означает, что в центре внимания постоянно находится использование в сексуальных целях малолетних детей. Поэтому

пропагандистские материалы, подготовленные как до, так и после первого Всемирного конгресса, посвящены в основном сексуальной эксплуатации детей, а не подростков, и содержат соответствующие изображения (растоптанные бутоны роз, брошенные игрушки, маленькие дети, которых куда-то уводят большие затененные фигуры мужчин) и описания случаев, имевших место с детьми в возрасте от 3 до 12 лет.

Стремление придерживаться не вызывающих разногласий тем общего характера понятно, но сопряжено с определенным риском. Оно приводит к тому, что основное внимание уделяется сексуальному надругательству и СЭДКЦ как осквернению "невинности" детства, и это предполагает, что можно универсализировать конкретную модель детства (как состояния пассивности и зависимости) и распространить ее и на малолетних детей, и подростков в возрасте до 18 лет. Рассуждения о сексуальном надругательстве над детьми и их эксплуатации как об уничтожении, подрыве, нарушении или предательстве "невинности" опасны и создают определенные проблемы в плане понимания такого явления, как "сексуальный эксплуататор", и реагирования на него. Представление о СЭДКЦ как о простом и однозначном столкновении невинности и разврата, добра и зла не только игнорирует и исключает многие из наиболее болезненных реалий, но и может привести к решениям, которые в лучшем случае окажутся неосуществимыми или неэффективными, а в худшем – способны вызвать множество новых случаев нарушения прав человека. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы представление о тех, кто подвергает детей сексуальной эксплуатации, было менее упрощенным и более дифференцированным.

Большинство людей считают детей наиболее социально беспомощной группой, но не все дети одинаково неравны. Следует помнить не только о громадных физических, эмоциональных и психологических различиях между, скажем, трехлетним ребенком и 16-летним подростком, но и о том, что дети разделяются по принадлежности к классу, полу, расе/касте, по физическим и психическим возможностям, а также по сексуальной ориентации. Например, мальчики-подростки из богатой семьи обладают значительной властью над девочкой-подростком, нанятой их родителями для уборки дома; здоровый ребенок обладает огромными преимуществами по сравнению с ребенком-инвалидом. Появляются все новые свидетельства того, что дети, подобно взрослым, могут недобросовестно использовать такой дисбаланс власти в целях получения сексуального/психологического удовлетворения.

Недавние исследования в Северной Америке, Соединенном Королевстве и Швеции показывают, что среди тех, кто совершает сексуальные преступления против детей, имеются и мальчики-подростки. Они также относятся к числу лиц, формирующих спрос на услуги проституток. Данные о возрасте проституток, услугами которых пользуются несовершеннолетние клиенты, отсутствуют. Однако поскольку известно, что некоторые мальчики моложе 18 лет пользуются услугами проституток в той же обстановке, где в проституции заняты дети моложе 18 лет, то вполне возможно, что занимающиеся проституцией дети иногда эксплуатируются клиентами-детьми.

Известно, что мальчики участвуют в сексуально-экономическом обмене в его менее явных формах. Например, в докладе о сексуальном здоровье молодежи в Замбии отмечается, что девочки все чаще занимаются сексом за плату, а большинство сексуальных связей между мальчиками и девочками подразумевает обмен деньгами или товарами. Девочки ясно понимают, что на такой обмен их толкает нищета, а мальчики поясняют, что "секс с девочками – это способ доказать, что ты мужчина, и добиться признания". Имеются сведения о том, что в местах распространения ВИЧ/СПИДа некоторые беженцы-подростки мужского пола стремятся найти все более молодых сексуальных партнеров среди других детей из числа беженцев и перемещенных лиц. Порнография также используется людьми моложе 18 лет: в мае 2001 года в Великобритании за торговлю порнографическими изображениями детей, которые он сгрузил из интернета, был осужден и внесен в реестр осужденных за сексуальные преступления 13-летний мальчик. Наконец, служащие в вооруженных силах подростки принимают участие в наиболее

жестоких формах сексуального насилия/эксплуатации, имеющих место в современном мире, а мальчики и девочки в возрасте до 18 лет иногда участвуют в СЭДКЦ в качестве сутенеров или сводников.

В большинстве случаев поведение молодых людей, занимающихся сексуальными надругательствами, можно объяснить господствующими в обществе представлениями о различии между полами и сексуальности. Мужественность почти повсеместно идеализируется как власть над собственным "я", другими людьми и материальными объектами, а в фильмах, книгах и популярных песнях широко прославляются мужчины, имеющие сексуальный доступ к женским телам. Неудивительно, что мальчики-подростки, обычно прямо и косвенно поощряемые к демонстрации своей мужественности (и зачастую подвергающиеся насмешкам за ее недостаток), нередко проявляют интерес к женским телам, представляемым как сексуальный объект. Там, где обращение мужчин к проституткам считается нормой, родственники-мужчины более старшего возраста, а также сверстники могут подталкивать мальчиков-подростков к тому, чтобы покупать коммерческие сексуальные услуги.

Так же как и в отношении взрослых, важно проводить различие между детьми, чье надругательство над другими детьми является выражением какого-либо душевного смятения или эмоциональной дисфункции, и теми, чьи акты сексуальной эксплуатации представляют собой непреднамеренный побочный продукт их желания соответствовать социальным нормам сексуального поведения мужчины. Еще более глубокая дифференциация необходима для понимания детей, сексуально эксплуатирующих других детей в целях получения финансовой выгоды, а не сексуального удовлетворения. В эту область торговли сексуальными услугами, как и вообще в проституцию, приводят нищета и другие формы социального отторжения, и вопросы, связанные с теми, кто извлекает из СЭДКЦ выгоду в качестве третьих лиц, носят сложный характер. Например, девочки, сами занимающиеся проституцией, иногда прирабатывают, поставяя других детей для своих сутенеров или постоянных клиентов, и это еще раз подчеркивает тот факт, что женщины могут не только подвергаться сексуальной эксплуатации, но и сами осуществлять ее.

Только ли мужчины занимаются сексуальной эксплуатацией детей?

В большинстве обществ считается, что женщины от природы сексуально пассивны и предрасположены к тому, чтобы заботиться о детях. Из-за подобных взглядов трудно представить себе, чтобы женщина была "сексуальным эксплуататором", или понять, что сексуальные надругательства, совершаемые женщинами, причиняют детям такой же вред, что и сексуальные надругательства, производимые мужчинами. Однако исследования в Швеции, Америке и Соединенном Королевстве свидетельствуют, что от 5 до 20 процентов случаев сексуального надругательства над детьми совершаются женщинами и что последствия для детей столь же серьезны, как и в случае применения подобных действий мужчинами. Медики, работающие с женщинами, совершающими сексуальные надругательства над детьми, отмечают у них такое же искаженное мышление, как и у соответствующих мужчин.

Женщины также могут обеспечивать спрос на коммерческий секс. В Японии, Австралии, Северной Америке и Западной Европе небольшое, но растущее число женщин используют свои увеличивающиеся экономические возможности для приобретения на коммерческой основе различных форм сексуального опыта как у себя в стране, так и за границей. Среди них есть женщины, сексуально эксплуатирующие мальчиков-подростков в возрасте от 13 до 18 лет в развивающихся странах, а некоторые даже платят за возможность подвергнуть сексуальному надругательству детей более младшего возраста. Женщины – как местные жительницы, так и иностранки – также выступают и в роли "мамочки", используя свою большую экономическую и социальную власть для получения доступа к ряду молодых людей подросткового возраста. Имеются сообщения о сексуальных надругательствах над мальчиками, совершаемых женщинами из подразделений повстанцев в Сьерра-Леоне.

Тем не менее женщины составляют лишь незначительное меньшинство среди тех, кто занимается сексуальной эксплуатацией для получения удовольствия на коммерческой или некоммерческой основе. Вместе с тем это не относится к сексуальной эксплуатации детей для извлечения прибыли, так как женщины широко представлены в глобальной торговле сексуальными услугами в качестве извлекающих из СЭДКЦ выгоду третьих лиц.

Кто наживается на СЭДКЦ?

Некоторые из тех, кто получает экономические выгоды от индустрии секса, обладают богатством и властью. Среди них можно найти государственных служащих и полицейских, владельцев предприятий в сфере досуга и развлечений, которая зачастую тесно переплетается с индустрией секса. Поскольку в основном русле торговли сексуальными услугами задействованы и дети до 18 лет, можно считать, что такие люди получают косвенную выгоду от СЭДКЦ.

Можно сказать, что крупные и респектабельные туристические, горнодобывающие, лесоразрабатывающие и судоходные компании также косвенно задействованы в индустрии секса в том смысле, что бурный спрос на проституцию, в том числе СЭДКЦ, является одним из побочных продуктов их основной экономической деятельности и/или политики найма рабочей силы (например, предоставление общежитий для рабочих-мигрантов вместо жилья для них и их семей). Однако те, кто владеет компаниями или контролирует их, редко считаются лично ответственными за социальные либо экологические последствия деятельности их предприятий. Напротив, им часто возносят хвалу даже за самые незначительные шаги по ослаблению негативных побочных последствий экономической деятельности их фирм.

Иные третьи лица извлекают выгоду из СЭДКЦ более непосредственным образом. Экономическую прибыль от СЭДКЦ можно получать в результате различных видов деятельности, в том числе незаконной торговли детьми в целях сексуальной эксплуатации; организации детской проституции и/или контроля над ней; вовлечения детей в проституцию; производства и распространения детской порнографии для получения коммерческой выгоды. Отдельные лица также могут получать экономическую выгоду от СЭДКЦ без непосредственного участия в организации какой-либо сексуальной эксплуатации детей (например, коррумпированные чиновники берут взятки; владельцы баров закрывают глаза на СЭДКЦ в своих заведениях и получают прибыль за счет привлекаемых клиентов; торговцы извлекают прибыль из продажи порнографических материалов с изображением несовершеннолетних). Мало кто из этих людей занимается исключительно СЭДКЦ, а большинство эксплуатируют детей в силу участия в торговле сексуальными услугами в целом.

Другие третьи лица, извлекающие выгоду из СЭДКЦ, отнюдь не обладают привилегиями и властью. К таким третьим лицам относятся наряду с мужчинами женщины и дети, и "карьера" в сфере торговли сексуальными услугами часто начинается с продажи сексуальных услуг, а следующим ее этапом является организация проституции других лиц, в том числе детей. Получение дополнительного дохода путем вовлечения в проституцию или сутенерства также является довольно обычным явлением среди проституток, включая занимающихся проституцией детей. Независимо от возраста и пола, многие люди начинают участвовать в извлечении выгоды из торговли сексуальными услугами в качестве третьих лиц по тем же причинам, в силу которых дети уязвимы по отношению к сексуальной эксплуатации в коммерческих целях. Среди этих причин – нищета, нехватка альтернативных экономических возможностей, отсутствие возможностей получить образование, насилие в семье, наркомания и/или маргинализирующая практика и политика, основанная на дискриминационных понятиях о половой, расовой, этнической и кастовой принадлежности и/или сексуальности. Многие тысячи детей в мире растут в районах "красных фонарей" или в других общинах, экономика которых полностью зависит от индустрии секса, в том числе от детской проституции. Зачастую позор, с

которым связана проституция, оказывается настолько сильным, что ни сами проститутки, ни их дети не могут свободно покинуть эти районы.

В таких и прочих аналогичных общинах взрослые, которые вчера были эксплуатируемыми детьми, сегодня сами эксплуатируют детей, которые завтра станут эксплуататорами. Подобные циклы эксплуатации фактически никак не связаны с нравственностью или уголовными наклонностями индивидуума, но в значительной мере зависят от юридического и социального восприятия проституток как отдельного класса людей и от систематического нарушения их прав человека. Действия всех вовлеченных в СЭДКЦ третьих лиц не являются идентичными или с точки зрения морали эквивалентными, и чрезвычайно важно добиться того, чтобы этот факт нашел свое отражение в политических мерах, направленных на борьбу с "сексуальным эксплуататором". Во многих случаях в центре внимания при разработке программ должна находиться среда, в которой протекает сексуальная эксплуатация, а не осуществляющее ее лицо.

Некоторые выводы

Поскольку государство входит в число тех, кто наиболее последовательно нарушает права женщин-проституток, было бы наивным предполагать, что призывы к укреплению правового контроля над эксплуататорами детей в рамках проституции автоматически приведут к желаемым результатам для женщин и подростков, занимающихся проституцией. На самом деле меры, принимаемые против СЭДКЦ и незаконной торговли людьми, часто имеют чрезвычайно негативные последствия как для взрослых, так и для подростков, работающих в сфере проституции, и число людей, арестованных за сексуальную эксплуатацию занимающихся проституцией детей, как правило, несопоставимо мало по сравнению с числом женщин и подростков, арестованных за занятие проституцией и/или нарушение иммиграционного законодательства.

Необходимо многое сделать, для того чтобы изменить отношение к проституции и создать правовую и социальную среду, обеспечивающую охрану прав человека женщин-проституток, прежде чем можно будет предположить, что призывы к более жесткой и масштабной криминализации СЭДКЦ не будут более иметь эти непредвиденные и нежелательные последствия. Стокгольмские Декларация и План действий призывают правительства "принять некарательный подход к детям – жертвам сексуальной эксплуатации в коммерческих целях в соответствии с правами ребенка", однако не призывают их принять подход, обеспечивающий соблюдение и защиту прав человека всех тех, кто работает в сфере проституции. Такое положение необходимо исправить.

Существуют и другие причины, по которым необходимо осторожно подходить к обсуждению санкций против тех, кто подвергает детей сексуальной эксплуатации. Например, в мире существуют районы, где, согласно оценкам, от 15 до 30 процентов занимающихся проституцией – это люди младше 18 лет, а до 75 процентов мужского населения пользовались или пользуются услугами проституток. В таких районах предложения о введении лишения свободы для тех, кто занимается СЭДКЦ, будут равносильны предложениям подвергнуть тюремному заключению более половины мужского населения.

Лишение свободы столь же проблематично там, где люди извлекают выгоду из торговли сексуальными услугами в качестве третьих лиц просто потому, что для них это единственная реальная возможность экономического выживания. Кроме того, в мире есть и такие районы, где спрос на коммерческий секс предъявляют мужчины и мальчики, жизнь которых столь же безнадежна, полна насилия и беспросветна, как и жизнь эксплуатируемых ими женщин и детей. Призывы заключить в тюрьму всех, кто занимается СЭДКЦ, не всегда и не обязательно являются реалистичной или гуманной реакцией на данную проблему. Санкции, направленные на пресечение явления, должны сопровождаться не только соответствующими медицинскими и психологическими мерами, но также мерами по устранению экономических и социальных проблем, лежащих в основе спроса на СЭДКЦ.

Согласно широко распространенному мнению, продуманные программы лечения и профилактики рецидивов снижают число повторных правонарушений среди осужденных за сексуальные преступления против детей. По имеющимся сведениям, самый значительный эффект при лечении таких преступников дает многокомпонентная терапия; наиболее устойчивые положительные результаты приносят программы, в которых когнитивные и поведенческие методы сочетаются с профилактикой рецидивов.

Хотя имеются сведения о многих достижениях в области терапии для осужденных за сексуальные преступления, нет оснований почитать на лаврах. Во-первых, разработка соответствующих программ лечения для молодых преступников находится еще в начальной стадии. Необходимо вложить дополнительные ресурсы в конкретные программы, а также в исследования и экспертизу. Специалисты, работающие в данной сфере, выражают беспокойство по поводу подходов, в которых не учитывается тот факт, что молодые преступники, совершившие сексуальные надругательства над детьми, являются детьми и в таковом качестве обладают правами, закрепленными в *Конвенции о правах ребенка* Организации Объединенных Наций.

Важно также отметить, что хорошие лечебные программы стоят дорого. В бедных и развивающихся странах, вынужденных сокращать затраты на основные социальные нужды, мала вероятность финансирования программ терапии и профилактики рецидивов, разработанных в более богатых государствах. Даже в процветающих странах такими программами охвачены не все осужденные за сексуальные преступления против детей.

Кроме того, существующие программы терапии создавались в ходе работы с осужденными преступниками и рассчитаны главным образом на тех, чьи акты эксплуатации явно и недвусмысленно нарушают социальные нормы сексуального поведения (кровосмешение, сексуальное насилие, надругательство или эксплуатация детей в возрасте ниже установленного законом для согласия на сексуальные контакты). Они не всегда и не обязательно подходят для тех, кто осуществляет эксплуатацию детей в контексте социально приемлемого или предписанного сексуального поведения (использование услуг проституток, потребление порнографической продукции общего характера, более размытые формы сексуально-экономического обмена) или в отношении поведения тех, кто сексуально эксплуатирует детей в целях получения прибыли. Поэтому необходимо также вкладывать средства в разработку программ, предназначенных для данных групп.

Школы для "джонов" (англ. john – клиент проститутки), начавшие работать на экспериментальной основе в ряде городов США, Соединенного Королевства и Канады, представляют собой одну из немногих мер, направленных против спроса в сфере проституции. В них мужчины, арестованные за приставание к женщинам на улицах, "просвещаются" о коммерческой индустрии секса, а также предпринимаются усилия изменить их отношение к проституции и сексуальности. Воздействие таких школ оценить затруднительно; вполне возможно, что клиенты теперь просто обращаются к неувличным проституткам.

Некоторые НПО приступили к осуществлению экспериментальных проектов просвещения в вопросах сексуальной эксплуатации для подразделений вооруженных сил, готовящихся к выполнению операций по поддержанию мира. Существует настоятельная потребность расширить такого рода общую профилактическую работу со всеми группами, проявляющими особую склонность к использованию услуг проституток. С некоторыми такими группами уже работают организации, занимающиеся профилактикой СПИДа и способные внести значительный вклад в разработку эффективных стратегий по изменению сексуального поведения и взглядов на секс.

Сексуальное просвещение в школах – еще один недостаточно используемый механизм предотвращения спроса на СЭДКЦ. Оно позволяет систематически подвергать сомнению широко распространенные взгляды на пол, сексуальность, проституцию и расовую/этническую/кастовую принадлежность, играющие столь заметную роль в формировании спроса на все виды СЭДКЦ. Необходимо также найти способы подвергнуть сомнению широко распространенную эротизацию молодых тел, сексуальную

девальвацию более зрелых тел и убеждение, что в идеале секс по своей природе означает взаимодействие между доминирующим и подчиняющимся партнерами, и выдвигать доводы против таких представлений.

В стратегиях по предотвращению сексуальной эксплуатации детей и сдерживанию, контролю и/или реинтеграции сексуальных эксплуататоров в жизнь общества следует признавать разнообразные формы спроса. Они должны учитывать тот факт, что существует тесная взаимосвязь между социально предписанными или допустимыми действиями, с одной стороны, и поведением и спросом на СЭДКЦ – с другой. Необходимо разработать и обеспечить финансирование государственных просветительских программ, рассчитанных на опровержение популярных и широко распространенных взглядов на сексуальность, пол, расы, классы, касты, детство, экономику и/или проституцию, на основании которых сексуальные эксплуататоры различного рода рационализируют и защищают свои действия.

Это означает объединение усилий (на местном, национальном и международном уровнях) по борьбе с СЭДКЦ и другими формами дискриминации. Например, при обсуждении расизма необходимо включать в повестку дня вопрос о сексуальной эксплуатации, и наоборот. Аналогичным образом, нарушение прав ребенка посредством СЭДКЦ неотделимо от других вопросов прав человека, а проблемы спроса на СЭДКЦ невозможно отделить от более общих вопросов нищеты, отношений между полами, социальной маргинализации, детского труда, политики социального обеспечения, программ структурной корректировки, развития туризма, расизма, проблем миграции, СПИДа и сексуального здоровья, а также гражданских прав проституток и их прав человека.

Вышесказанное подчеркивает необходимость совместной деятельности органов, определяющих политику на национальном и международном уровнях, и правительственных организаций с целью подготовки и реализации эффективных долгосрочных мероприятий по устранению экономических, социальных и политических условий, определяющих спрос. Это также свидетельствует о необходимости формирования партнерских отношений на более широкой основе.

Предпринимая усилия по борьбе со спросом на СЭДКЦ, необходимо учитывать и то обстоятельство, что существенная доля детей, подвергающихся сексуальной эксплуатации, относится к уязвимым, маргинализированным и эксплуатируемым группам и/или к профессиональным группам, члены которых испытывают сильное давление субкультуры, подталкивающей их к занятию коммерческим сексом. Карательные и морализаторские кампании вряд ли являются наиболее эффективным способом изменения их поведения или сексуальной практики. Кроме того, необходимо расширять рамки партнерства. Следует привлечь к разработке просветительских и профилактических стратегий организации, наиболее тесно связанные с группами, члены которых склонны прибегать к услугам проституток (например, союзы моряков, профсоюзы работников лесной, горнодобывающей промышленности и индустрии туризма, НПО, занимающиеся профилактикой СПИДа среди населения). Равным образом необходимо активнее использовать работодателей, в том числе в вооруженных силах, в усилиях по просвещению и профилактике среди их работников.

Частный сектор также может внести свой вклад в подготовку обоснованных и устойчивых экономических альтернатив участию в СЭДКЦ в качестве третьих лиц. В этом отношении, вероятно, еще важнее призвать международные финансовые институты, банки развития и экономических советников изучить воздействие политики развития и мер структурной корректировки на спрос на коммерческий секс в той или иной стране либо регионе.

Наконец, по-прежнему существует настоятельная потребность в более широких и детальных исследованиях исходных причин спроса на СЭДКЦ, так как это позволит повысить эффективность профилактических и просветительских мер. Необходимо улучшить сбор данных по сексуальным преступлениям против детей и повысить их надежность, а также изучать эффективность воздействия конкретных мер.

Не существует какого-то единого и простого решения проблемы тех, кто подвергает детей сексуальной эксплуатации в коммерческих целях. Усилия по укреплению и применению законодательства против СЭДКЦ должны быть уравновешены и дополнены долгосрочными мероприятиями по преобразованию среды, порождающей сексуальных эксплуататоров. Такие меры потребуют значительных инвестиций, на их осуществление должны быть выделены адекватные ресурсы, если мир серьезно намерен бороться против сексуальной эксплуатации детей в коммерческих целях.

¹ Данное резюме основывается на докладе *Сексуальный эксплуататор*, одном из шести тематических документов, подготовленных в качестве справочных материалов для участников второго Всемирного конгресса против сексуальной эксплуатации детей в коммерческих целях (Иокогама, Япония, 17–20 декабря 2001 года). Доклад был подготовлен профессором Джулией О'Коннелл Дэвидсон по заказу Международного подготовительного комитета (МПК) Конгресса. В состав МПК входят представители правительства Японии, ЮНИСЕФ, организации "ЭКПАТ интернэшнл" и Группы НПО по Конвенции о правах ребенка. Организация "Радаа Барнен" ("Спасите детей", Швеция) финансировала исследования и написание данного доклада. Исследования в Карибском бассейне, результаты которых были также включены в данный доклад, финансировались Советом экономических и социальных исследований Великобритании. Все ссылки на исследования и другие материалы приводятся в исходном документе.

² Дети (согласно определению, лица, не достигшие 18-летнего возраста) не всегда и не обязательно являются некомпетентными или полностью лишенными рациональной самостоятельности в том, что касается сексуального поведения. Поэтому невозможно определить сексуального эксплуататора просто как "любое лицо, вступающее в сексуальный контакт с ребенком", так как это определение лишает лиц моложе 18 лет всех прав на сексуальное самовыражение. Такое определение автоматически повышает возраст согласия на сексуальный контакт до 18 лет, и это делает невозможным признание того, что, например, 17-летний человек способен согласиться на сексуальные отношения с 19-летней девушкой или юношей. Оно также означает, что если двое 15-летних вступили в сексуальные отношения на основе взаимного влечения, то каждое из них автоматически становится сексуальным эксплуататором детей и сексуально эксплуатируемым ребенком.

В любом определении "сексуального эксплуататора" следует учитывать то обстоятельство, что иногда лица, не достигшие 18-летнего возраста, могут в некоторых обстоятельствах быть способны испытывать сексуальное желание и давать осмысленное согласие на вступление в сексуальный контакт. В то же время критерии того, согласился ли ребенок вступить в сексуальный контакт с другим лицом, спровоцировал ли его или даже получил удовольствие от него, нельзя использовать, чтобы судить, совершило ли это другое лицо акт сексуальной эксплуатации. Для полноты представления о тех, кто подвергает детей сексуальной эксплуатации, необходимо также признать, что детьми можно манипулировать, их можно склонять или принуждать к согласию на отношения, действия и/или контакты, которые могут причинить им вред. И в 7, и в 17 лет они имеют право на защиту от тех, кто добивается такого согласия, а также тех, кто производит над ними сексуальное надругательство или эксплуатирует их с применением силы.

³ Важно отметить, что из этого определения явно исключены сексуальные акты по согласию между детьми (лицами в возрасте до 18 лет), имеющими одинаковую власть и статус, но в него включены лица, извлекающие выгоду из того, что способствуют или организуют сексуальные контакты других лиц с детьми. Это важный момент, поскольку во многих мерах мониторинга и контроля основное внимание сосредоточено на тех, кто лично совершает акты сексуального надругательства над детьми, а не на тех многочисленных людях, которые так или иначе способствуют этому.